

Сергей Серванкос

ДОБРО И ЗЛО

сборник рассказов

Сергей Серванкос

Добро и зло. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Серванкос С. И.

Добро и зло. Сборник рассказов / С. И. Серванкос — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Наша жизнь очень разнообразна. Порой она горька, как редька или сладка, как мёд. Мы все такие разные, но есть в нас нечто общее. Любой человек стремится к счастью. Эта книга может помочь взглянуть на жизнь под другим углом, отличным от вашего.

Содержание

Засым, прощаюсь	5
Нара	8
Окно	10
Смертница	13
Добрый самаритянин	15
Праздник	18
Прыгун	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Засым, прощаюсь

"Его невидимые качества: вечная сила и божественная сущность – ясно видны от сотворения мира, потому что они распознаются через то, что создано, так что нет им оправдания" (Римлянам 1:20)

Костёр потрескивал, притягивая взор к завораживающему танцу пламени. Искры, словно ночные светлячки плавно возносились ввысь и таяли в чёрной пасти ночи. Я отвёл взгляд от чарующего зрелища и посмотрел на призрачный силуэт небольшого посёлка, расположенного рядом с нашим временным пристанищем. Тусклые огоньки двух или трёх ещё обитаемых домишек этого Богом забытого места, да и людьми тоже, смотрелись жалким подобием свечения на фоне разгорающегося сияния звёздного неба.

Тысячи сверкающих, как бриллианты, маленьких огоньков, словно вырвавшиеся на свободу крохотные искорки костра, наконец-то нашли своё место на великолепном полотне мироздания. Я невольно залюбовался пленительной красотой бездонного ночного неба, горящего несчитанным множеством огней, видимо там жизни больше, чем здесь на Земле, сиротливо мерцающей парой непотушенных окон.

Неделей ранее мы приехали на хутор Засым, затерявшийся на побережье великой Волги, в надежде хорошо порыбачить. Надежды нас не обманули, рыбалка была великолепной. Огромные щуки, несколько не менее увесистых сазанов и сомов, и несчитанное число окуней, плотвы и прочей чешуйчатоплавниковой мелочи – полностью утолили годовалый голод рыболовов-любителей, вырвавшихся из городских джунглей на заслуженный отдых.

Засым встретил нас перекошенными заборами и заросшими бурьяном дворами. Кряжистые дубы неприветливо махали могучими ветвями, поскрипывая под напором жгучего астраханского ветра. Невольно приходило на ум, что вот-вот из выбитых глазниц оконных проёмов полезут вурдалаки или другая нечисть.

Внедорожник Дрона, Костюхина Андрея – моего друга детства, чуть слышно шуршал по пыльным колдобинам убогого посёлка, привлекая внимание одиноких старушек, сидящих возле завалившихся плетней на низеньких скамейках. Другой мой закадычный товарищ – Беляков Пашка, ныне Павел Егорович, кандидат биологических наук, лауреат и так далее, и тому подобное, сидел рядом с Дроном и настойчиво тыкал пальцем в карту, которая лежала перед ним на панели.

Уже не первый год мы приезжаем в эти места порыбачить. Подъехав к единственному кирпичному дому, Дрон остановил машину и посигналил. Не прошло и минуты, на пороге появился егерь Митрич, так его звали по всей округе. Он был крепкого телосложения, лет шестидесяти, с пышной седой шевелюрой и густыми чёрными усами. Глядя на него, я подумал, что годы не властны над Митричем, всё такой же удалой казак. Помощь опытного рыбака для нас городских чайников была просто неоценима.

Именно поэтому Митрич сейчас сидел с нами возле костра и аппетитно хлебал, им же приготовленную, прощальную уху. Завтра мы возвращаемся в город, опять запрыгнем на карусель под названием «нормальная жизнь», и вперед: работа, семья, редкие выходные, телефонные и скайповые свидания, редкие корпоративы и другие праздники, и так до следующего Засыма.

– Слушай, Митрич, а почему у вашего хутора такое странное название? – задал я давно мучивший вопрос.

– Да это черкес или чечен, короче кавказец, у нас здесь был, ещё при Сталине, стало быть. Говорят, семью от кровников прятал в нашей глуши, тутача тогда никто и не жил толком,

а он построил дома: себе и сыновьям, стало быть. Вот хутор и прозвали Засым – его так звали, стало быть.

– И что, никого из его семьи не осталось? – спросил Паша.

– Либо нашли его черкесы и замочили всю семью, – предположил Дрон.

– Да нет. Уехали они. Не так давно, как тут пошла разруха, так и укатили к себе на Кавказ, стало быть. Рыба – где поглубже, а человек – где получше, стало быть.

– Слушай, Митрич, а ты чего из этой глуши не свалил? – спросил Дрон.

– Нравится мне здесь, привык уже, стало быть, – втянув грудью свежий ночной воздух, сказал егерь и, посмотрев в сторону Волги, добавил – Не смогу я без этой красоты жить, да и куды мне уж бегать, жить с Гулькин нос осталось. Тутача помереть хочу, стало быть.

– Не прибедняйся, дед, ты ещё нас всех переживёшь, – засмеялся Дрон и протянул бутылку водки, наливая всем очередную порцию. – Давайте за долголетие!

– Дай то, Бог, и вам того же! – сказал Митрич и залпом выпил.

– А Вы, Дмитрий Дмитриевич, что же, в Бога верите? – спросил Пашка, закусывая огурцом выпитую водку.

– Так, как же, мил человек, не верить? Ведь вон оно гляди, какое чудо вокруг. Звёздочки – одна к одной, стало быть. А Солнце, ты знаешь, что если его кусочек в печь положить, всего-то крохотульку, то за сто вёрст к печке той не подойдёшь – спалишься, стало быть.

– Ну и что звёзды? Эволюция ещё не то создаст.

– Не знаю, как там твоя эволюция, а вот то, что над всем этим Голова поработала – это точно! Это надо же такую махину сварганить! – Митрич поднял голову и, приоткрыв рот, посмотрел на Млечный путь, раскинувший звёздное коромысло прямо над нашим лагерем. – Разве могло это всё, не подумавши родиться? Нет, Милок, ты можешь верить во что хошь, а я буду в Бога, стало быть.

– А откуда, Митрич, такие познания о Солнце? – спросил я.

– Прочитал в одной книжечки. К нам раз в месяц Божьи люди приезжают из району, вот они и привозят разные книжки, журнальчики, там, стало быть, и читаю, – расправляя усы, сказал егерь.

– Это не сектанты ли за тебя взялись? – сказал я, сразу вспомнив надоедливых бабулек, которые постоянно достают в городе своими вопросами. – Смотри, Митрич, оставят тебя без штанов!

– Не знаю, сектанты они или нет, но, что люди хорошие это точно. – Егерь поправил ворот камуфлированной штормовки и продолжил, – какой дурак в нашу глушь за наживой поедет, только больной на всю голову. Стало быть, у них другой интерес. Сюда больше бензину сожжёшь, чем со всего хутора грошей соберёшь, стало быть.

– Так, говорите: «Есть Бог», Дмитрий Дмитриевич? – Вновь Паша вернулся к начатому разговору.

– Есть, стало быть.

– Тогда чего же он за порядком на Земле не следит? Почему дети умирают, а подонки живут? Почему в мире столько несправедливости и горя? – Выпалил Пашка мучившие его вопросы, уверенный, что ответов он не услышит.

Митрич спокойно погладил усы, усмехнулся и сказал:

– Хорошие вопросы задаёшь. А читал, что в Библии сказано?

– Библию читал, ответов только не нашёл.

– Плохо, стало быть, искал. Там Бог обещает всё поправить, а пока люди под дудку Дьявола пляшут, стало быть. Каков хозяин – такова и жизнь, стало быть.

– Э, хорош о Боге! А то передерёмся, – замахал я руками и, обращаясь к притихшему Дрону, сказал, – Наливай! За солидарность и рыбалку давайте выпьем!

Мы выпили ещё по одной и принялись закусывать ароматной ухой. Искры от костра уносились в небо, превращаясь в яркие звёзды. На хуторе лаял неугомонный пёс, а где-то рядом стрекотал сверчок. Мрачный силуэт Засыма слева от нас и сверкающая гладь Волги справа, коромысло Млечного пути над головой и чародей – костёр, потрескивая, продолжал плясать рыжими всполохами на лицах моих друзей.

Мне было хорошо, как в далёком детстве, когда зимними вечерами, сидя на руках отца, я слушал сказки, а рядом потрескивал огонь в печке, и жизнь была счастливой и беззаботной. Жаль, что завтра эта благодать исчезнет, а нас опять понесёт по пыльным ухабам, мимо всего этого, не давая остановиться и вспомнить Засым, забытый Богом и людьми уголок, где жизнь отдыхает от бега.

Нара

«Не убивай»

(Книга Второзаконие 5:17)

Весна заполнила городок благоухающей зеленью с цветочными размалёвками. Одинокий клён за окном царапался в стекло, словно пытаясь пробраться в комнату. Нара очень плохо спала этой ночью. Как только первые лучи солнца задрожали на старых обоях, она лежала и думала, устремив взгляд на массивную люстру, выделяющуюся на фоне, давно не крашеного, потолка.

«Как ему сказать об этом? А может не говорить? Нет, всё-таки сказать?» – сомнений больше не было, врач подтвердил её предположения, теперь надо было решать, как жить дальше и что делать? В чужой стране, без стабильного заработка, имея двоих детей, они с мужем уже не первый год жили в России без определённых перспектив на ближайшее улучшение создавшегося положения, а тут такая беда.

«Что же ему сказать? И как это сделать? А, может, ничего не говорить? Сходить в больницу и сделать аборт? Нет, ведь он мой муж и это наш ребёнок, а если узнает?» – тревожные мысли разрывали мозг, сердце сжималось от боли, слёзы вновь заструились по щекам.

Кровать заскрипела, Лерник повернулся к жене, обнял и нежно её поцеловал:

– Что с тобой, родная? Почему плачешь? Что-то случилось?

Не в силах больше сдерживать себя, Нара разрыдалась, уткнувшись в плечо мужа. Он нежно взял её за плечи и опять встревожено спросил:

– Что случилось?

– Я беременна – сквозь слёзы выдавила хрупкая, измученная бессонной ночью, женщина. Лерник, сверкнул счастливыми глазами, но тут же угас. Отпустив жену, он сел на край кровати.

– Что же нам теперь делать? – неуверенно промямлил он себе под нос – Ведь у нас, по сути, ни дома, ни заработка, с регистрацией проблемы, детей в школу пора готовить, как быть?

– Не знаю, – продолжая плакать, всхлипывала Нара, напоминая маленького воробушка.

– Надо делать аборт, – нерешительно произнёс Лерник, встал и, ссутулившись, пошёл в ванную.

В магазине никого не было. Её сменщица Оля, стройная невысокая женщина, копошилась возле стеллажей с продуктами, укладывая пачки с печеньем в аккуратные стопки.

– Здравствуй, Нарочка! Что-то случилось? На тебе лица нет, – встревожено спросила подругу.

– Я хотела попросить тебя завтра меня подменить. В больницу срочно надо сходить.

– Что-то серьёзное, ты заболела или дети?

– Да нет, с детьми всё в порядке, да, и я здорова, просто очень надо, – красивые чёрные глаза Нары вновь наполнились слезами.

– Конечно, я поработаю, но что случилось? – уже не на шутку обеспокоенная Ольга подошла к ней.

– Я беременна, и надо делать аборт, – Нара, уткнувшись в плечо обнявшей её подруги, стала плакать.

Некоторое время Ольга просто гладила рыдающую женщину по волнистым, густым волосам, красиво спадающим чёрным потоком на хрупкие плечи, а затем спокойно сказала:

– Это ты решила или Лерник? Впрочем, я понимаю, вы переживаете из-за неустроенности, не время для очередного ребёнка?

– Конечно, куда нам сейчас третьего! – немного успокоившись, сказала вытирающая слёзы Нара.

– А если вам к родителям в Армению вернуться?

– Нет, Лерник не захочет, здесь у него хоть какая-то работа, а там без работы, на шею у родителей? Он никогда не согласится. Да, и родители будут не в восторге, ещё один рот на их плечи.

Ольга, усадив Нару на стул, присела на перевернутый ящик из под минеральной воды.

– Знаешь, Нарочка, не моё это, конечно, дело вам советы давать, но хочу тебя в одном заверить, ты же верующий человек, посмотри, что я сегодня прочитала, – и она быстро открыла небольшой томик в кожаном чехле на нужной странице, – «все свои беспокойства возложите на Него, потому что Он заботится о вас.». Видишь, здесь чёрным по белому написано, что Он заботится о нас, а кто дал жизнь людям?

– Бог, конечно, – не понимая, к чему сейчас эти разговоры, и, причём здесь её вера, впрочем, Ольга часто ссылаясь на Библию и Наре даже нравились её уверенность в правоте этой Святой Книги и умение применять прочитанное в различных областях жизни.

– А раз Он дал жизнь, разве мы вправе лишать жизни человека?

– Ты это о чём?

– У тебя под сердцем зародилась жизнь – жизнь человека, подумай, понравится Тому, Кто даёт жизнь то, что ты собираешься сделать? А если ты сохранишь её, Он обещает позаботиться о тебе и твоём ребёнке.

Поблагодарив сменщицу за заботу, Нара, опустив голову, вышла из магазина, продолжая думать над засевшими глубоко в сердце словами подруги. Завтра её ждал день, который не сулил ничего хорошего.

Зима лютовала. Ольга сидела за прилавком и, улыбаясь, смотрела в окно, украшенное затейливыми узорами. Ветер гонял стаи снежинок, срывая их с замёрзших деревьев и залихватски бросал в стекло, словно пытался проникнуть внутрь. На коленях лежало письмо из далёкой Армении, написанное красивым почерком. По розовым щекам скатывались слёзы. одна из них упала на письмо и расплылась на строчке в самом конце, где было написано: "Горячий привет от меня, Лерника, Абулика, Эвелины и нашей маленькой Оленьки!"

Окно

«Почему ты рассердился и почему твоё лицо помрачнело? Если делаешь добро, то не будешь ли возвышен? А если не делаешь добра, то у входа подстерегает грех, и он хочет завладеть тобой, но будешь ли ты господствовать над ним?» (Бытие 4:6,7)

Больничные стены, покрашенные в бледный жёлто-зелёный цвет, нависали молчаливыми сторожами над кроватью Николая Архиповича. Их, местами обшарпанная, штукатурка, уже не первый день, мозолила взгляд угрюмого больного.

Грустные глаза неотрывно смотрели на корявое пятно, то ли грибка, то ли старой покраски, в углу под потолком. Мысли судорожно скакали, неизменно возвращаясь к тому, как Николай Архипович оказался после сердечного приступа на прошлой неделе в этой больнице. Диагноз был не утешительным, сердце дало серьёзный сбой, и жизнь одинокого пенсионера была под угрозой.

Палата, в которой он лежал, была узкой комнатой с двумя кроватями и тумбочками возле них. На противоположной, от койки Николая Архиповича, стороне небольшое окно, выкрашенное белой краской. В него было видно только синее небо, но оно и то, что творилось за окном, совершенно не интересовало бывшего бухгалтера и старого холостяка. Мысли вновь и вновь приводили к здоровью и смерти, подступившей так близко. Николай Архипович ненавидел свою жизнь, но сейчас он понял, что ничего лучшего у него всё равно нет, поэтому мысль о смерти угнетала его и вызывала внутренний протест.

Негромкий стон с соседней койки, стоящей под окном, отвлек от скорбных мыслей. Николай Архипович повернул давно небритое, измождённое лицо в сторону окна. Мужчина средних лет, с русыми волосами, крючковатым носом и пухлыми губами, лежал и легко постанывал. Его привезли сегодня ночью, судя по закрытым глазам, он либо спал, либо был без сознания.

– Вам плохо? – спросил Николай Архипович и не получив ответа потянулся к кнопке вызова медсестры.

Медсестра Леночка, молоденькая полненькая девушка, в коротеньком белом халатике, не спеша вошла в палату через несколько минут долгого ожидания.

– Что случилось, больной? – равнодушно спросила она у, прослывшего среди медперсонала страшным занудой, Николая Архиповича.

– Человеку плохо, – указав на соседа, сказал сердито бывший бухгалтер и отвернулся к стене.

– Ой, мамочки! – вскрикнула Леночка, не нащупав пульс у больного. Хлопнув руками по голым бёдрам, незакрытым халатиком, она выскочила в коридор.

Реанимационная бригада очень быстро появилась в палате, раздражая Николая Архиповича деловой суетой и полным отсутствием внимания к его персоне.

Светившее солнечным светом окно залилось красным заревом заката, когда палата опустела, и старый холостяк мог вновь спокойно поразмышлять о безрадужном будущем и не менее грустном прошлом.

– Меня Иван зовут, – вдруг услышал он слабый голос соседа.

– Николай Архипович, – представился неохотно, вновь отвлечённый от размышлений, старик. Повернув голову в сторону окна, он увидел улыбающееся, бледное лицо с красивыми карими глазами.

– Какой восхитительный закат! – тихо сказал Иван, повернув голову к окну, – Вы давно здесь обитаете?

– Неделю, – коротко ответил Николай Архипович, всем своим видом и тоном пытаюсь показать, что беседовать ему не хочется.

– Да, это уже срок! – улыбнувшись, сказал сосед и, видя нежелание собеседника беседовать, по-доброму добавил, – Я хотел поблагодарить, мне сказали, что я Вам жизнью обязан. Спасибо!

Утром Николай Архипович проснулся, как обычно очень рано. За долгие годы он привык просыпаться с первыми лучами солнца, всю жизнь надо было успеть многое сделать: не опоздать на работу, починить «Запорожец», который постоянно ломался, сходить на футбол, выкопать картошку, закрутить соленья, сходить по грибы и многое другое, без чего жизнь бухгалтера и холостяка была просто не мыслима. Так считал Николай Архипович и вот эта жизнь подходит к концу.

«Жизнь прожил, а вспомнить нечего» – с грустью подумал старик и внутренне проследился.

– Вам не хорошо? – услышал он с соседней койки. Обеспокоенные карие глаза внимательно смотрели на Николая Архиповича.

– Всё в порядке, – ответил старый холостяк и устался в пятно под потолком.

– Нет, Вы только посмотрите, что вытворяет, – опять, через некоторое время, заговорил Иван. Он сидел в своей кровати и, смеясь, смотрел в окно, – Нет, ну, это надо же! Пацанёнок выгуливает сенбернара, здорового такого, а тот кошку увидел и припустил за ней, так пацан поводок отпустить не успел и теперь следом по травке волочётся, как сани по снегу.

Иван тыкал пальцем в окно и весело смеялся. Его заразительный смех, заставил отвлечься от мрачных мыслей Николая Архиповича. Репортаж с подробным описанием забавной погони продолжался около десяти минут, потом, видимо, маленький собаковод увёл своего резвого скакуна домой.

У Николая Архиповича никогда не было домашних животных. Он терпеть не мог о ком то заботиться и чтобы этот кто-то шастал по его квартире. Одиночество кусалось, ломило сердце, но оно было самым близким и единственным другом бывшего бухгалтера всю жизнь. Развлечения он не любил так же, как и большое скопление народа, а увлечение футболом досталось от отца. Тот часто брал с собой сына, чтобы сбежать из дома на стадион, где мог выпить вина и пива, а потом орать во всё горло на судью, тренеров и игроков. Подрастающему Коле тоже понравилось выплёскивать свою злобу на тех, кто бегал по полю, а вот пить он решил, что никогда не будет, видя, как отец, пьянея, превращался в грубое животное.

Иван продолжал описывать всё, что он видел за окном, всё, что было не доступно взору бывшего бухгалтера. Он говорил о красивой аллее, которая уже начала золотеть, предупреждая, что осень набирает обороты и зима не за горами.

– А вон там по аллее, мамочка тащит, видимо, сынишку – первоклассника с огромным ранцем за спиной, бедные детишки, с таких пор такие тяжести таскают! Так она его, не хуже сенбернара прёт. Бедняга упирается, видно, что школа ему уже надоела, – Иван, устало улыбнулся, кривясь от боли, и повернулся в сторону соседа, но увидев заинтересованные глаза Николая Архиповича, приободрился и вновь живо стал говорить:

– А следом, две студенточки, в коротеньких юбочках на занятия спешат, щебечут, как воробушки о чём-то и то и дело заливаются смехом, прикрывая рты ручонками.

Николай Архипович поймал себя на мысли, что рассказ Ивана стал его увлекать. Он впервые не думал о смерти и никчемной жизни. Захотелось самому взглянуть в окно и увидеть сенбернара, мамашку, похожую на него и студенток – хохотушек.

«Почему я сразу не попросил положить меня у окна?» – спрашивал себя старый бухгалтер, зная ответ. Когда он попал сюда, ему было всё равно где лежать: «А эти врачи – дармо-

еды, могли бы сами догадаться, что у окна мне было бы лучше. Вражины, им плевать на меня! Смотри на стены и подымай быстрее!»

– А слева от окна клён растёт, старый уже. Его ветки совсем рядом, на одной воронье гнездо. Вот воробьи бой устроили за какую-то букашку. Умора, как малыши, игрушку не поделили.

«Нет, ну почему такая несправедливость? Я первый сюда попал и лежу в самом поганом месте, обшарпанные стены разглядываю, а этот пацан у окна свободой любитесь» – думал старик, теряя хорошее настроение, зародившееся от весёлых рассказов соседа.

– А там на аллее скамейка, прямо напротив от нас. Сейчас на неё влюблённая парочка села, сидят, целуются, думают, их никто не видит, – заговорчески полушёпотом проговорил Иван.

Вдруг дверь в палату открылась. Вошла Леночка и нарочито строго сказала:

– Больной, Вам нельзя разговаривать и кто позволил Вам садиться? Немедленно лягте!

– Простите, сестра! Но у вас тут такая скукота, что помереть не долго. Вот решил соседа позабавить, а то грустный такой, смотреть страшно.

«Лежал бы я у окна, нашёл бы, чем развлечься» – подумал Николай Архипович и отвернулся к стене лицом.

– Вы бы о своём сердце, больной, лучше подумали. Ещё один приступ оно не выдержит. Лягте и не разговаривайте, не то врачу скажу о Вашем поведении!

Леночка дождалась, пока Иван уляжется, поправила одеяло и вышла из палаты.

Очередной день прибежал к закату. Солнце последний раз опалило белёный потолок багровым лучом и затухло в тихо подступивших сумерках.

Николаю Архиповичу не спалось. Чёрный проём окна притягивал взор, а осознание того, что завтра ничего не изменится, злило и возмущало.

Луна прячется где-то выше окна, бросала снаружи ровный бархатный свет на кровать Ивана. Он спал, крючковатый профиль был хорошо виден старику. Вдруг рот Ивана широко открылся и жадно стал хватать воздух, пальцы рук вцепились, скомкивая простыню, тело его напряглось и приподнялось.

«Приступ! – подумал Николай Архипович и потянулся к кнопке вызова, но увидев чёрный проём окна, остановился, – Он всё равно уже не жилец, сестра сказала, что второй приступ не выдержит, а так отмучается и всё, да и чего людей зря тревожить, всё равно уже не спасти»

Он ещё долго убеждал себя, глядя в притягивающую черноту окна, пока не понял, что на соседней кровати лежит мёртвый человек. «Завтра всё будет по-другому» – подумал Николай Архипович и спокойно уснул.

Проснулся он, как обычно часов в шесть, посмотрев на бездыханное тело Ивана, нажал кнопку вызова. Через час, оставшись один в палате, Николай Архипович, вызвал дежурную и попросил переложить его на освободившуюся кровать. После небольшой перепалки с медсестрой и пришедшим врачом, просьба старого брюзги была выполнена. Он лежал рядом с заветным окном и смотрел, как по небу плывут тёмные гроззовые тучи, солнечные лучи урывками разрезали их густую черноту.

«Сейчас я увижу аллею, скамейку, клён, гнездо» – думал старик, приподнимаясь в кровати и жадно глядя в окно.

Небо с тучами упёрлось в шиферную крышу с вентиляционной трубой и перешло в кирпичную стену больничной пристройки. Чем выше поднимался Николай Архипович, тем больше кирпичных рядов открывалось его взору. А вот и земля – маленький, залитый серым бетоном, больничный дворик с мусорными баками у деревянного забора слева, упирающегося в тоже небо, только почерневшее ещё сильнее от нестерпимой, палящей боли в груди.

Смертница

«Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы» (Деяния св. Апостолов 15:28,29)

Вениамин Евстафьевич, пожилой хирург, сидел в своём кабинете и жадно затягивался сигаретой, кляня себя за то, что никак не избавится от этой вредной привычки. Его седые усы с желтоватой подпалиной заядлого курильщика слегка топорщились, подчёркивая вид недовольного собой человека.

Тихий стук в дверь вернул профессора к реальной жизни, напомнив, что рабочий день ещё только начинался и впереди много дел, более важных, чем его слабость.

– Войдите! – сказал он, сердито вдавливая недокуренную сигарету в пепельницу на рабочем столе.

– Разрешите, Вениамин Евстафьевич? – в приоткрывшуюся дверь робко втиснулась полная женщина в больничном халате.

– Что Вы хотели, госпожа Сивкова, и кто Вам разрешил встать? – гневно произнёс встревоженный за пациентку врач, – После Вашей операции надо, как минимум дня три лежать, а Вы по кабинетам ходите, немедленно вернитесь в палату!

– Хорошо, Вениамин Евстафьевич, только раз, уж, я всё равно здесь, разрешите мне в субботу на конгресс сходить. – и женщина умоляюще посмотрела в лицо непреклонного профессора.

– Какой конгресс? Вы с ума сошли! Вам лежать, как минимум неделю, скажите спасибо, что на Вашу авантюру согласился, такую операцию, и без переливания. До сих пор не пойму, почему Вы живы? Видно и в правду Ваш Иегова помог, – и Вениамин Евстафьевич вспомнил, как всего три дня назад он мысленно уже похоронил эту женщину, когда дав ей подписать заявление на отказ применения переливания крови во время операции, увидел уверенный росчерк и непоколебимую уверенность в глазах, сейчас просяще смотрящих на него.

– Конгресс моих единомышленников в местном Дворце спорта, пройдёт в эту субботу. Пожалуйста, миленький Вениамин Евстафьевич, разрешите сходить, ведь это рядом с больницей, а чувствую я себя прекрасно, спасибо Вам! – и она опять умоляюще посмотрела в глаза озадаченного врача.

– Что значит нормально? Вы понимаете, что после такой операции надо лежать, беречь силы, а не бегать по больнице, – продолжая напускать на себя суровую строгость, всё громче говорил Вениамин Евстафьевич, не понимая, как этой женщине удалось подняться с постели, в его многолетней практике ничего подобного не было. Восстановительный период при подобных операциях протекал очень тяжело, даже при намного более мелких, а здесь сложнейшая операция, да ещё пациентка – фанатичка, без крови и всё тут, хоть застрелись? – Не пойму! – думал про себя недоумевающий врач.

Он опять вспомнил день операции, и как долго уговаривал непоколебимую пациентку согласиться на переливание крови, даже, когда дал расписаться в заявлении об отказе, всегда предельно сдержанный, раздражённо сказал:

– Вы хоть понимаете, что сейчас подписываете себе смертный приговор?

– Я всё прекрасно понимаю, Вениамин Евстафьевич, – спокойно сказала Надежда, так звали эту странную больную, и уверенно расписалась в предложенных бумагах, – А ещё я понимаю, дорогой доктор, что если я соглашусь на Ваши условия, то обижу своего Бога, ведь в Библии чёрным по белому написано: «воздерживайтесь от крови»

– Так и воздерживайтесь, я ведь не пить её Вам предлагаю, а жизнь Вашу спасти, – продолжая нервничать, не унимался обеспокоенный врач.

– А если бы Вы мне сказали воздерживаться от алкоголя, а я его в вену стала вводить, как бы Вы к этому отнеслись? – неожиданно перешла в наступление Надежда.

– Причём здесь алкоголь? Я Вам о серьёзных вещах, а Вы мне басенки рассказываете.

– Просто хочу, чтобы Вы поняли, что Бог испытывает, когда его не слушаются, вот смотрите! – и она протянула удивлённому Вениамину Евстафьевичу раскрытую Библию и зачитала указав пальцем нужное место, – «Святому духу и нам угодно не возлагать на вас дополнительного бремени сверх того, что необходимо: воздерживаться от пожертвованного идолам, от крови, от удушенного и от блуда. Если вы будете тщательно хранить себя от этого, то будете успешны. Доброго вам здоровья!» Чем не докторское предписание? Поэтому, дорогой доктор, лучше я умру на операции, чем идти против рекомендаций Бога. Я знаю, что Вы хороший врач, но, пожалуйста, не обижайтесь, тот, кто нас создал, самый лучший!

Этот разговор сейчас отчётливо всплыл в памяти взволнованного доктора. Те же целеустремлённые глаза, та же уверенная речь и ощущение непоколебимой веры, вызывающее искреннее уважение и небольшую зависть, что у самого её явно не достаёт.

– Ладно, идите, госпожа Сивкова, после обхода поговорим, я же знаю, что с Вами спорить, себе дороже обойдётся, – и он по доброму улыбнулся, провожая взглядом сияющую от счастья пациентку.

Добрый самаритянин

«На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем» (Евангелие от Луки 10:30-34)

Отец Герман (в миру – Георгий Иванович Кондратьев) тридцати двух лет от роду, после окончания семинарии получил приход в одном из крупных сёл Энской области. В селе стоял старый заброшенный храм, успевший послужить центром антирелигиозной пропаганды в советские времена, когда из культового здания был переделан в культурное, хотя культурой здесь, чаще всего, и не пахло: неприличные танцы, матерные частушки, пьяные драки и прочая экзотика клубной жизни. Не одна лекция была прочитана в намоленом месте о тлетворном влиянии веры в Бога на умы советских граждан. СССР канул в лета, а с ним и антирелигиозная пропаганда, вокруг вдруг вспомнили, что они оказывается почти все крещённые или обрезанные, так клуб опять стал храмом.

Здание досталось молодому иеромонаху в плачевном состоянии, но он не унывал и с Божьей помощью взялся за святое дело, к тому же оплата скромного труда служителя культа позволила купить мощный внедорожник японского производства и обставить однокомнатную келью в девятиэтажке ближайшего городка по последнему аскетическому образцу: мягкий уголок, обшитый светло-коричневой кожей, плазменный домашний кинотеатр, компьютер, кухонный гарнитур из карельской берёзы и прочие нужные мелочи для нелёгкого труда священнослужителя.

Всё бы ничего, только вот с соседом по площадке отцу Герману не повезло. В квартире напротив жил отпетый безбожник – Сидорян Владимир: молодой человек, лет тридцати, непонятной национальности и профессии; самое страшное – он был то ли сатанист, то ли мазохист; ходил в чёрных кожаных брюках и такой же жилетке, часто одеваемой на голое тело, исколотое омерзительными татуировками бесстыжих женщин и чертей; на его могучей шее висела массивная серебряная цепь с огромным крестом и черепом; косматая чёрная борода пугала своей лохматостью, а на голове была завязана бандана из чёрной узорчатой ткани; тёмные очки всегда скрывали глаза этого существа демона во плоти. Он любил ездить вечерами на мотоцикле. Его железный монстр ревел, как раненый зверь под окнами священника и не давал помолиться перед сном.

– Почём опиум для народа, сосед? – встречая на площадке отца Германа, весело спрашивал Вован (так он представился при первой встрече) и протягивал огромную лапищу с татуировкой весёлого Роджера на внешней стороне и латунной цепью вместо браслета на запястье.

«Чтоб тебя Господь покарал!» – думал иеромонах, а в слух говорил:

– Здравствуй, сын мой!

В то памятное утро они также поприветствовали друг друга и направились к гаражам (по иронии судьбы и здесь они были соседями). Отец Герман молча шёл всю дорогу, а Вован рассказывал пошлые анекдоты, и сам же громко хохотал над ними, несколько раз повторяя ключевые фразы. Зайдя в гараж, он выкатил огромный чёрный мотоцикл с коляской, в котором только специалист мог угадать обычный «Урал» (каких только наворотов и модернизаций здесь не было!), сел верхом и повернул ключ зажигания.

Громкий рёв заведённого мотоцикла заставил ещё раз отца Германа попросить Господа: пристроить соседа куда-нибудь в Ад или Рай, только подальше от этого грешного мира. Когда Вован наконец-то умчался, помахав на прощание рукой, священник, облегчённо вздохнув, завёл свой Ленд Крузер и неслышно выехал из гаража.

До села было километров пять, не больше, поэтому, включив радио Шансон и забыв о неприятном соседе, отец Герман думал о предстоящем дне: надо было провести службу, проверить счета, как идёт ремонт храма, ещё ...

Вдруг обогнавшая его красная иномарка резко затормозила, но – поздно, ... старик переходивший дорогу взлетел вверх и упал далеко впереди машины, прокатившись несколько метров по асфальту, он замер в неестественной позе. Иномарка остановилась, но через мгновение сорвалась с места и быстро скрылась за поворотом. Отец Герман, чудом не столкнувшийся с нею, в ужасе смотрел на дорогу и на лежащего старика: «Надо помочь человеку, – мелькнула мысль в голове. – Ему уже не поможешь, только время потеряю, а меня живые люди ждут. Помолюсь за упокой души его, а Господь позаботится». Последний довод победил, он надавил на газ и скрылся за тем же поворотом.

Вован уже подъезжал к селу, где у него была назначена встреча с заказчиком (он работал сантехником, многие в селе благоустраивали свои дома городскими удобствами, поэтому частенько приходилось выезжать на срочные вызовы), когда вспомнил, что забыл сумку с инструментами в гараже. Лихо повернув Жеребца, как он окрестил свой мотоцикл, Вован помчался в обратном направлении. Навстречу пронеслась красная Мазда, а за нею чёрный внедорожник соседа. Посигналив батюшке и весело помахав рукой, Вован повернул в сторону города.

Лежащий на асфальте человек чуть не попал под колёса мотоцикла. Испугавшийся мотоциклист резко затормозил, спрыгнул с сиденья и подбежал к старику. Тот ещё был жив и негромко постанывал, правая рука была сильно вывернута, вокруг головы расплылась лужа крови.

Байкер со стажем быстро сообразил, что у деда открытый перелом и сильный ушиб головы, он сбежал к лесопосадке и выломал мощную прямую ветку, вернулся назад, приложил к руке и привязал её, порвав любимую бандану на узкие полоски. Потом достал аптечку и перевязал рану на голове старика, усадил его в люльку и завёл мотоцикл.

Через двадцать минут в приёмном покое городской больницы дежурный врач: молодой парень, лет двадцати пяти, видимо недавно закончивший институт, нехотя осматривал привезённого старика.

– А полюс у него хоть есть? – спросил он Вована.

– Какой полюс, док, ты, что с дуба рухнул, я его на трассе нашёл в луже крови.

– Так, а что же Вы полицию не вызвали?

– Какая полиция? Дед загнулся бы, пока они приехали, да и вы тоже.

– Он Ваш родственник, что так переживаете за него, или знакомый?

– Он человек и я его первый раз вижу. А, если ты, Айболит недоделанный, его сейчас же не начнёшь лечить, я тебя в реанимацию отправлю, – грубо рявкнул Вован, дав понять, что он не шутит.

– Не хамите, гражданин, – испугался врач и стал более тщательно осматривать пострадавшего.

Через час молодой врач вышел в коридор приёмного отделения, устало снял с лица повязку, вытер ею пот со лба и бросил в урну. Вован быстро подошёл к нему и вопросительно посмотрел.

– Будет жить твой старичок, ещё пару часов и умер бы от потери крови. Вы молодец, он Вам жизнью обязан.

– Зашибись! Бывай здоров, док! – Вован хлопнул по руке врача и, надев шлем, выбежал из больницы – надо было ещё к заказчику успеть и в гараж за инструментом.

А отец Герман тем временем, уставший после службы, снял облачение и вдруг вспомнил, что забыл одно важное дело. Он вернулся к алтарю, подошёл к образам с тоненькой свечкой в руке, зажёл её и зашептал на распев:

– Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего погibшего ныне на дороге, яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя... ..и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Праздник

«Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию.» (Первое послание к Коринфянам 10:31)

После торжественных слов Вероники Александровны с тёплыми поздравлениями именинников, класс наполнился весёлой суетой и разноголосым звонким шумом. Мамы виновников торжества разносили по столам аппетитные пироги и кексы, спеша угостить первоклашек своими кулинарными шедеврами за время большой перемены, папа Воробьёва Коли включил магнитофон с песней крокодила Гены.

Вера, мама Игнатова Костика, молодая женщина в красивом модном брючном костюме заметила одиноко стоявшего в сторонке от других ребят Лёшу Костина, маленького пухленького мальчишку с волнистым чубчиком. Он грустно смотрел на происходящее, и когда Вера пригласила его к столу, вежливо отказался.

– Не трогай его, Вер, он всё равно не пойдёт, – сказала подбежавшая подруга Веры, крашенная блондинка лет двадцати пяти, мама Игнатовой Кати, отведя находящуюся в недоумении женщину от скучающего мальчика, шёпотом добавила, – у него родители Свидетели Иеговы и запрещают бедному ребёнку отмечать дни рождения.

– Но это же полное безобразие! – возмутилась Вера, – Надо поговорить с ними, кто дал им право лишать ребёнка радости?

– Так в чём же дело, его мама вахтёршей здесь работает, спустись вниз, я видела она сегодня, как раз дежурит. Только бесполезно это, лишь на грубость нарвёшься.

Вера решительно направилась к гардеробу. Подходя к намеченной цели, она сразу заметила привлекательную весёлую женщину лет тридцати в синем форменном халате. Её искренняя улыбка никак не сочеталась с нарисованным в сознании Веры образом злобной сектантки лишавшей маленького сына всех радостей жизни.

– Здравствуйте! Вы мама Алёши Костина?

– Да. А что случилось? – улыбка сразу исчезла с красивого лица, и неподдельное чувство тревоги отразилось в больших карих глазах.

– Нет, не беспокойтесь, с ним всё в порядке, просто меня возмущает то, что Вы запрещаете ребёнку участвовать в празднике, – решительно произнесла Вера заранее заготовленную фразу, – я считаю, что это несправедливо лишать ребёнка радости из-за своих религиозных предрассудков.

– Очень приятно, что Вы так беспокоитесь о моём сыне. Это говорит о Вас многое. Но видимо, никакие мои слова не убедят вас, что Лёша не чувствует себя обделённым.

– Конечно, я же вижу, как ему грустно, когда все кругом веселятся.

– Тогда не стесняйтесь и сами спросите Алёшку, как он к этому относится, – по доброму сказала Лёшина мама и её лицо вновь озарила заразительная улыбка.

Вера вернулась в класс и подошла к продолжавшему скучать в сторонке малышу.

– Ты очевидно расстроен из-за того, что тебе не разрешают участвовать в таких прекрасных праздниках?

Лёша посмотрел снизу вверх большими удивлёнными глазами на странную тётю и по ребячески восторженно произнес:

– Вы думаете, что десять минут, несколько кексов и песня – это и есть праздник? Приходите к нам домой, и увидите, что такое настоящий праздник!

Прыгун

«...из-за роста беззакония во многих охладает любовь» (Матфея 24:12 ПНМ)

Николай Дмитриевич Васильков, поджарый старичок в затёртом сером пальто и вязаной шапочке с эмблемой ЦСКА, неспешно закрыл газетный киоск, проверил надёжность замков, слегка их подёргав, потом присел на скамейку и глубоко вздохнул. Было как-то не по себе, сердце покалывало, то ли на погоду, то ли из-за той сварливой покупательницы, которая возмущалась, что цена на её любимый журнал выросла почти вдвое.

Первый морозец, хрустевший под ногами замусоленным снегом, щипал крючковатый нос и впалые, морщинистые щёки. Редкие снежинки, словно тополиный пух, кружили над головой и не спешили опускаться на землю.

– Что-то подустал я сегодня, – пробормотал киоскёр, тяжело поднимаясь с холодной скамейки.

Ещё раз взглянув на рабочее место, Николай Дмитриевич, слегка прихрамывая, медленно побрёл к остановке трамвая по заиндевелой аллее. Оголённые ветки деревьев поскрипывали на ветру, мороз пробирался под одежду, сковывая тело ледяными объятиями. Взъерошенные воробьи, крикливо гомоня, что-то делили возле бетонной урны. Рыжий кот спрятался за скамейкой, высматривая ближайшего из них, явно рассчитывая на сытный ужин.

– Прыгун! – услышал Васильков хриплый голос из глубины парка, – Давай к нам, третьим будешь.

Метрах в ста от себя киоскер увидел толстого мужика с обвислым животом, выглядывающим из расстегнутой куртки неопределённого цвета. Тот махал рукой, показывая бутылку с темным содержимым внутри и цветастой наклейкой снаружи. Это был местный завсегдатай, по кличке Мордатый. Парк, по сути, был домом этого толстяка, так как другого у него не имелось. Мордатый стоял возле столика на детской площадке, рядом с плюгавым дедком в фетровой шляпе, нелепо смотрящейся на нём в морозный вечер. Николай Дмитриевич часто выпивал с добродушным толстяком, приглашая его погреться в киоск, но сейчас пить совсем не хотелось, поэтому, покачав головой, Васильков двинулся дальше в сторону остановки.

– Кто это? – спросил плюгавый, стуча зубами от холода.

– Кореш мой, здесь в киоске газетами торгует, – прохрипел Мордатый и налил вино в пластиковый стаканчик.

– А чё ты его Прыгуном назвал?

– Погоняло у него такое. Говорят, раньше в воду прыгал – спортом занимался.

– А-а-а... Будь здоров! – пискнул плюгавый и выпил из протянутой посуды темно-красную жидкость.

Тем временем Николай Дмитриевич повернул к выходу из парка. До остановки осталось пройти несколько шагов, дождаться трамвай и через полчаса – дома. Мороз заставлял всё сильнее кутаться в потрёпанное пальто, но согреться не получалось. Вдруг в глазах всё потемнело, в груди что-то сильно запекло, посеревшее небо взметнулось вверх на острые кончики тополей и всё исчезло.

– Смотри, как налился, на ногах не стоит, – тыча пальцем в падающего Василькова, сказал высокий парень в дорогом полушубке своей размалёванной подруге, закутавшейся с песцовую шубу.

– Фу, Мирчик, тебе какое дело до этих пьянчужек! Пойдём быстрее! Я вся замёрзла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.